

ЛОРЕНС БЛИНОВ

Композитор

Член Союза композиторов России. Заслуженный деятель искусств республики Татарстан. Доктор философии. Поэт, переводчик, педагог. В области поэтического творчества наибольшую известность получили опубликованные в разные годы циклы стихотворений: «Соизволение», «Фортепианная музыка», «Сад в Эссентуках», «Сюита в тоне С». Переводил «Сонеты к Орфею» Р.-М. Рильке, «Стихи о Канте Хондо» Ф. Г. Лорки, «Войди в дом мой», «Листья» татарского поэта Р. Хариса. Автор литературных и философских произведений, среди которых «Откровение звучащей тишины» о музыке Софии Губайдуллиной.

В КРУГ СВЕТА

...мир нереален именно в качестве объективной сущности,
но он реален, будучи проявлением «Я».

Рамана Махарши

С открывшейся страницы внезапно пахло такой чистотой и свежестью, такой обдало глубиной, завораживающей («слепоблаженной») трепетностью до предела обнаженного чувства, что стало неловко от высветившейся вдруг и сразу непререкаемым совершенством поэтической строки, обескураживающе точной и ясной.

Это было похоже на природное явление, которое мне довелось наблюдать на закате августовского солнца, когда лучи его обнаружили целое озеро нежно и трепетно мерцающих листьев, колеблемых гуляющим среди них ветерком. Невозможно было оторвать взгляд от этого гипнотического блистания, рождающего среди полной тишины звуковые галлюцинации. Было похоже на стройное трепетание скрипок в оркестре — тремоландо, и эта бесконечно дрящящая музыка объятых предзакатной дрожью тополей напоминала другую — визуальную музыку. Она рождается в душе от струящихся тремоло, переливающихся серебристых бликов на чуть колышущейся водной глади.

Это и случилось как раз на Ладоге, где летом прошлого года я работал над очередным своим сочинением в Доме композиторов, куда приехал вместе с женой и дочерью.

Однажды утром раздался негромкий стук, и на пороге нашего коттеджа возникла стройная мужская фигура. Это был мой давний знакомый Сергей Олегович Прокофьев. В руках его была небольшая коричневатая книжица с романтическим рисунком на обложке. После кратких приветственных фраз он решительно и вместе с тем несколько смущенно протянул мне этот

миниатюрный томик в жестком, как оказалось, переплете и, обратившись сразу к нам троим, сказал, что это — стихи его матери. Я взял книгу. На обложке стояло: «Софья Прокофьева. Античный цикл». И очень мелким шрифтом добавлено (чуть ниже): «и другие стихотворения». Раскрыв из вежливости одну из страниц, я сразу же ощутил каким-то внутренним, никогда не подводившим меня чутьем, что мне предстоит открыть для себя редчайшее художественное явление.

0 первой встрече

Двадцать лет назад здесь же, в Карелии, в том же Доме творчества композиторов «Сортавала», произошла моя первая встреча с Сергеем Олеговичем.

Как-то, предзакатным вечером, прогуливаясь, я вышел к пирсу, теперь почти разрушенному, а тогда — в отличном состоянии: с причалом для лодок, конечно, с купальней, кабинками для переодевания и прочими приспособлениями и удобствами. Подойдя, я увидел, что мое любимое место — у перил над самой водой — занято. Через некоторое время, вновь оказавшись здесь, я уже был заинтригован: все в той же позе — облокотившись на перила и устремив взгляд на далекие острова, освещенные закатными лучами, стоял совершенно незнакомый мне молодой человек (к тому времени я мог свободно отличить бывалого «сортавальца» от иногда наезжавших к нам «гостей», среди которых порой встречались и знаменитости: Алла Демидова, Ролан Быков, Елена Санаева и другие). Этот молодой человек был явно не из «наших». Заинтригован же я был тем, что вся поза и вид его напоминали молодого Сергея Прокофьева с одной из фотографий композитора, где он был запечатлен в абсолютно той же задумчивой позе (только опираясь на рояль, а не на перила пирса). Я рискнул подойти. Рискнул со всею возможной деликатностью нарушить его уединение: «Извините, но Вы удивительно похожи на Прокофьева...»

Откликнулся он без тени неудовольствия на лице, но с какой-то решительностью, прямоотой и, как мне тогда показалось, — с оттенком холодности и «аристократической отстраненности» в голосе: «Я и есть Прокофьев».

— Да, — сказал я, не подавая виду, что слегка озадачен этим заявлением, — но я имею в виду Сергея Прокофьева.

— Я и есть — Сергей Прокофьев.

И, словно уловив мой немой вопрос, продолжил: «Да, я Сергей Прокофьев, но не тот, конечно, о ком Вы, вероятно, подумали, не Сергей Сергеевич, а Сергей Олегович — его внук».

Вот так мы с ним и познакомились в тот вечер. Несколько позже он был знаком уже и с моей семьей, и мы все вместе совершали иногда прогулки — в лес или в горы, во время которых он много рассказывал о своем отце и отвечал (впрочем, очень скупно) на мои вопросы, связанные с именем его знаменитого деда, автора всем известных балетов — «Ромео и Джульетта»,

«Золушка», оперы «Война и мир» и многих других сочинений (в том числе музыки к фильмам «Александр Невский» и «Иван Грозный»).

Однако о матери своей тогда он ни разу не упомянул; уклончиво отвечал и на вопросы о его собственных интересах и занятиях. Хотя уже в ту пору он серьезно интересовался проблемами, связанными с духовным развитием человека и человечества, увлекаясь также едва доступными в те годы сочинениями Р. Штейнера.

Кем был этот занавес раздвинут?

К моменту нашего вторичного с ним знакомства в прошлогоднем «согтавальском сезоне» Сергей Олегович уже был автором интереснейших сочинений. Вышло одиннадцать его книг, среди которых «Восток в свете Запада», «Двенадцать священных ночей и духовные иерархии», «Круговорот года и семь искусств» и другие. Стало известным и вызвало исключительный интерес его исследование уникального фольклорного текста — пророческой былины «Как святые горы выпустили из каменных пещер своих русских могучих богатырей». Красота и сила духовных образов этого произведения ярко и рельефно раскрываются в обстоятельных комментариях к нему С. О. Прокофьева, которые словно бы дают ключ к более глубокому пониманию этого эпического сказания с его духовными прозрениями о судьбах России.

На сей раз пребывание Сергея Олеговича в Доме творчества не осталось незамеченным. Композиторы узнали о его научных и творческих изысканиях и попросили его провести в одном из коттеджей лекцию, на которую была приглашена и наша семья.

Одна из тем лекции коснулась Вальдорфской школы воспитания детей — ее нынешнего состояния в Германии и возможности перенесения ее опыта на российскую почву. Моя жена, в свое время занимавшаяся этой проблемой (она — психолог), задала несколько вопросов, которые требовали своего разрешения за пределами времени, отведенного для лекции, и мы пригласили Сергея Олеговича вместе с его совершенно очаровательной супругой — фрау Астрид — в свой коттедж, к вечернему чаю.

Здесь, помимо основной, «вальдорфской проблемы», было много интересных разговоров, воспоминаний о нашем первом — двадцатилетней давности — знакомстве, о том, чем каждый из нас занимается в настоящее время. Естественно, зашла речь о музыке. Юля, моя дочь, сыграла одну из фортепьянных пьес Рахманинова. Затем — и о поэзии, причем гости наши проявили глубокое понимание самых различных направлений этого искусства, искренне, как оказалось, заинтересовавшись как моими стихотворными вещами, так и стихотворениями моей дочери (я как раз захватил с собой в эту поездку ксерокопию одной из ее публикаций).

И вот на другой день на пороге нашего коттеджа и возникла стройная фигура Сергея Прокофьева, в руках которого была небольшая коричневая книжица со стихами его матери. Я сразу же решил, что это nonsense — то,

что такого рода поэзия практически никому не известна. А ведь прошло чуть ли не пять лет с момента выпуска сборника!

Выписав на всякий случай несколько наиболее характерных стихотворений, я, возвращая сборник Прокофьеву, сказал, что по приезде в Казань обязательно сделаю хотя бы краткое сообщение об этой книге на одном из наших философских либо поэтических собраний. Увидев неподдельный интерес, проявленный по отношению к этому сборнику, он обещал прислать мне его.

Без громкого имени

Заглянув в Интернет, можно узнать достаточно подробные сведения о детской писательнице Софье Леонидовне Прокофьевой, родившейся в 1928 году в семье художника и востоковеда. Окончив в 1957 году графический факультет Московского государственного художественного института им. Сурикова, она работала художником-иллюстратором. В том же году Софья Леонидовна выпустила свою первую книжку — сказку в стихах «Кто лучше» и с тех пор написала много произведений для детей. Наибольшую популярность среди них получила повесть «Приключения желтого чемоданчика», экранизация которой была отмечена несколькими наградами на международных фестивалях. А сказка «Не буду просить прощения» была отмечена японской премией КОДАИ как лучшая книга года.

Однако о том главном, что являлось, по-видимому, стержнем всей духовной жизни поэта, сказано в пределах чуть более одной строки: «Уже в 15 лет написала „Античный цикл“, получивший высокую оценку Бориса Пастернака» — и все! Не найти (не нашлось) и откликов на сборник (хотя он вышел пять лет назад) за исключением опубликованной в журнале «Знамя» (№ 12, 2001) статьи Михаила Поздняева «Софья Прокофьева. Античный цикл и другие стихотворения» с предваряющим ее заголовком «Спящая в позе бегущей».

Автор этой достаточно емкой, но предельно лаконичной аннотации, справедливо отметив, что «главное в этих стихах — инакомыслие», находит, однако, что основным образным мотивом книги является «спящий человек и его сны», с чем едва ли можно согласиться.

Нельзя также полностью согласиться с утверждением автора статьи, что «перед нами вообще последняя книга Серебряного века, заблудившаяся в нашем железном веке». Напротив, эта книга принадлежит именно нашему веку, который пока еще не в состоянии вчитаться в нее, проникнуть в сложную структуру ее сокровенной простоты. И если какими-то внешними своими атрибутами она и связана с Серебряным веком, то по своей внутренней стати, обращенности своего духовного бытия она необходима именно нашему веку. Ведь

То, что замкнулось в себе, все это остыло;
в серой броне бытия есть ли надежда спастись?
Знай: всякой силе грозит издали большая сила...

И «тонкий яд», который источают те или иные строки стихотворений

вопреки кажущейся герметичности их формы, как раз сегодня может послужить своего рода противоводием: «Горе! — невидимый молот навис...».

Удивительно и непостижимо, как столь высокая степень поэтического мастерства могла проявиться в столь юном существе — подростке, едва достигшем пятнадцати лет. Это сравнимо, может быть, лишь с феноменом лирики Лермонтова, создавшего почти в том же возрасте такие глубочайшие творения, как «Предсказание» и «Кавказ».

Не случайно Борис Пастернак, познакомившись со стихами «Античного цикла», предостерег юного поэта: «Вы не будете так писать всегда». «Не сможете», — думается, хотел он сказать, потому что нельзя, не под силу выдержать такой накал духовного горения длительное время. Наша брэнная телесная оболочка едва ли способна стать тиглем, который бы мог удержать, не расплавившись, эту плазму.

СОФЬЯ ПРОКОФЬЕВА

АНТИЧНЫЙ ЦИКЛ

Б. П.

Впроголодь корми из рук.
Ласточку прокормят крылья.
Крылья — циркуль, полукруг.
Вечность — это изобилье.

Если губ не пригубил,
Пощади и день мой серый,
Не давай мне свыше меры,
Это будет свыше сил.

Дай мне четверть или треть.
Тучи вертят месяц-вертел.
Путник, брошенный на ветер.
Слишком много — это смерть.

1947

Галатя 2

А душа так жадно, неумело
Обживает розовое тело,
Изнутри обитель так светла.
Верным словом поклялась: не помнить!
Прошрое, уйди. На что оно мне?
Я дышу. И плоть моя тепла.